

СОН ДЖОНГ СО

**Еще раз о соотношении двух древнерусских редакций
Притчи о слепце и хромце
(Проложная статья и Слово Кирилла Туровского)**

Притча о слепце и хромце, которая приписывается замечательному богослову и мастеру витийства Древней Руси Кириллу Туровскому, с момента появления в 1925 г. в 30-м томе Известий Отделения русского языка и словесности статьи И. П. Еремина «Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности»¹ более пристально не изучалась. В 1925 г. И. П. Еремин определенно атрибутировал пространную редакцию этой притчи Кириллу Туровскому; в дальнейшем, когда ученый в 1955—1958 гг. издал в ТОДРЛ «Литературное наследие Кирилла Туровского», эта атрибуция в его издании получила окончательное закрепление.²

На сегодняшний день известно, что в древнерусской литературе эта притча существовала в двух редакциях: принадлежавшей Кириллу Туровскому пространной, обогащенной множеством аллегорических толкований, имеющей явные аллюзии с современной автору действительностью (И. П. Еремину были известны 24 списка этой редакции, датируемые XIV—XVIII вв.),³ и краткой проложной, помещаемой обычно в Прологах под 28 сентября. Самый древний список этой редакции находится в Новгородском Софийском Прологе кон. XII—XIII в. (РНБ, Софийское собр., № 1324). (Краткая редакция Притчи о слепце и хромце зарегистрирована И. П. Ереминым в 88 Прологах.⁴ В настоящее время нами просмотрено 48 списков проложной редакции в Прологах кон. XII—XVII вв. Между просмотренными списками существенных разночтений не прослеживается.)

Как соотносятся между собой проложная и пространная редакции, какая редакция представляется первичной, и, вследствие этого, является ли более позд-

¹ Еремин И. П. Притча о слепце и хромце в древнерусской письменности // ИОРЯС. Пг., 1925. Т. 30. С. 323—352.

² Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М., Л., 1955. Т. 11. С. 342—344, 1956. Т. 12. С. 340—347.

³ Еремин И. П. Литературное наследие. Т. 11. С. 343.

⁴ Еремин И. П. Притча о слепце и хромце. С. 324—325.

няя редакция прямой переработкой первичной редакции — такие вопросы уже задавали себе исследователи. В существующей научной традиции можно выделить три основные точки зрения. К первой группе относится большинство ранних исследователей, которые высказывали ряд предположений, оставляя вопрос открытым. Например, И. И. Срезневский, издавший в 1856 г. проложную притчу по древнейшему списку Новгородского Софийского Пролога № 1324,⁵ не исключал обе возможности: первичность проложной редакции и первичность пространной редакции.⁶ Его мнение базировалось на исследовании архиепископа Макария, взгляд которого на данную проблему также не был однозначным. С одной стороны, в тексте своей статьи «Св. Кирилл епископ Туровский как писатель» он выразил мнение, что проложная притча есть сокращение пространной притчи для произношения при службе в церкви,⁷ с другой стороны, в одном из примечаний к этой же статье он заявляет, что проложная притча могла существовать в Прологе до Кирилла Туровского, и Кирилл, может быть, взял ее из Пролога готовую и только подробно изъяснил в своем Слове (в качестве доказательства этого тезиса Макарий обращает внимание на то, что Кирилл Туровский во вступлении к своему Слову отмечает, что пишет «не от себя, а от божественных писаний», т. е. что перед Кириллом, когда он создавал свое произведение, уже был какой-то текст, определенный им как «божественные писания»)).⁸

Другая точка зрения представлена у М. И. Сухомлинова, который с уверенностью утверждает в исследовательской части к «Рукописям графа Уварова», что пространная редакция притчи, принадлежащая Кириллу Туровскому, является заимствованием из Пролога.⁹ В качестве подтверждения этой мысли он приводит параллельные фрагменты из обеих редакций, демонстрируя их близость. (Но при этом Сухомлинов не дает окончательного ответа на вопрос о взаимоотношении двух редакций.)

Таким образом, все ранние исследователи с разной степенью уверенности обсуждали вопрос о соотношении двух редакций Притчи о слепце и хромце только в диапазоне двух возможностей: либо проложная редакция является переработкой пространной, либо, наоборот, пространная редакция использовала проложную.

Третья точка зрения представлена в работе И. П. Еремина. И. П. Еремин, основываясь на результатах предшествовавших исследователей, построил новую гипотезу. Он предположил существование третьей редакции, которая, по его мнению, являлась источником и проложной, и пространной редакций.¹⁰ Согласно его точке зрения, структура пространной редакции является следствием

⁵ Срезневский И. И. Еще заметки о творениях Кирилла Туровского // ИОРЯС. СПб., 1856. Т. 5. С. 309.

⁶ Там же.

⁷ Преосв. Макарий. Св. Кирилл епископ Туровский как писатель // ИОРЯС. СПб., 1856. Т. 5. С. 240.

⁸ Там же.

⁹ Сухомлинов М. И. Рукописи графа Уварова. СПб., 1858. Т. 2. С. XLVI—LII.

¹⁰ Еремин И. П. Притча о слепце и хромце... С. 335—338.

переработки какого-то другого текста. Еремин считал, что источником пространной редакции была «какая-то притча о слепце и хромце в эпической форме целиком с приложенным к ней кратким схематическим толкованием», которой нет в русских рукописях.¹¹ Особенно он подчеркивал невозможность того, что этим источником была статья из Пролога.¹²

В отличие от своих предшественников, И. П. Еремин полагал, что источником обеих русских редакций является болгарская редакция Притчи о слепце и хромце, которая восходит к эпохе царя Симеона, но в нынешнее время не сохранилась.¹³ Как основной аргумент для обоснования своего мнения (кроме использования сопоставления И. Франка) И. П. Еремин указывал на существование южнославянских списков проложной редакции притчи, известных по публикациям В. Ягича¹⁴ и Ст. Новаковича.¹⁵ И. П. Еремин предполагал, что в славянской письменности притча о хромце и слепце существовала в трех редакциях, и проложная редакция была сокращением болгарской редакции, а редакция Кирилла Туровского — ее расширением, поэтому между проложной и пространной редакциями прямой связи не существует.

К сожалению, с этим невозможно согласиться. Два известных южнославянских списка вовсе не дают материала для утверждения о том, что эти списки отражают различные, по выражению Еремина, «изводы» проложного текста. Один из них, болгарский, — это просто список проложной статьи, не дающий никаких существенных различий к ней.¹⁶ Другой же, сербский, при внимательном рассмотрении оказывается вторичной переработкой проложной статьи, о чем мы скажем далее по ходу изложения. Главное — И. П. Еремин, к сожалению, не обосновал своего мнения о трех редакциях текстологически: о существовании южнославянской редакции притчи, бывшей одновременно источником и для проложной статьи, и для Слова Кирилла, он умозаключает

¹¹ Еремин И. П. Притча о слепце и хромце С 333

¹² Там же В этом И. П. Еремин опирался на сопоставления И. Франка, доказывавшего, что краткое чтение проложной редакции не могло дать подробного чтения, которое встречается в пространной редакции. См. Франко И. Притча про слепца и хромца СПб, 1905 С 133—135

¹³ Еремин И. П. Притча о слепце и хромце С 336

¹⁴ Ягич В. Nekoliko prica iz bulgarskoga zbornika // Opisi i izvodi iz nekoliko juznoslovenskih rukopisa I U Zagrebu 1873 С 56—58 Притча о слепце и хромце по сборнику берлинской королевской библиотеки факсимильно воспроизведена (см. Berlinski Sbornik, Codices selecti Graz, 1988 Vol 79 N 5 1—5 2)

¹⁵ Новаковић С. Примеры кнѣвности и језика старога и српко-словенскага Београд 1877 С 473, 475—476

¹⁶ М. Н. Сперанский, рассматривая соотношение этих двух редакций Притчи о слепце и хромце в перспективе взаимоотношений русской и южнославянских литератур, задал вопрос «Что могло быть источником Берлинского сборника?» Он перечислял три предположения: эта статья попала в Берлинский сборник или прямо из русского Пролога или из отдельной статьи служившей источником и для Слова Кирилла Туровского, и для русского Пролога, или же из статьи Кирилла Туровского, при этом исследователь не смог отдать предпочтение никакой из двух первых возможностей, а последний вариант он исключал, исходя из предполагаемого времени происхождения русского Пролога и из того, что притча Берлинского сборника полностью совпадает с русской проложной статьей (см. Сперанский М. Н. К истории взаимоотношений русской и южнославянских литератур // ИОРЯС Пг, 1921 Т 26 С 169—170)

главным образом логически. Единственный текстологический аргумент И. П. Еремина заключается в сопоставлении двух кратких фрагментов проложной статьи и Слова Кирилла, там где в проложной редакции отсутствуют два вводных предложения, имеющиеся у Кирилла Туровского, что, по мнению исследователя делает текст менее понятным.¹⁷

Проложная редакция

«Аще бо оставлю сдѣ от прѣдстатель моихъ,
тъ потеряють ми трудъ»

«И егда придетъ господин наю, укрывается
отъ него наю дѣло < > Аще ли тебе въспро-
сити, ты рци азъ хромъ есмь, и тако премудрѣве
наю господина»

Пространная редакция
(Слово Кирилла Туровского)

«Аще оставлю отъ служащихъ ми рабъ, то,
сведуще мою кротость, истеряють моя благая»

«Аще ли придетъ семо господинъ наю,
укрывается отъ него наю дѣло < > Аще ли тебя
вопросити, ты рци, яко азъ хромъ есмь, *и не
могу тамо дойти*, и тако упремудревѣ господи-
на наю и примеве мзду нашае стражбы»

Сохранение этих «вводных предложений» (выделены курсивом) в пространной редакции, по мнению исследователя, и является свидетельством того, что каждая из двух редакций самостоятельно обращалась к их общему источнику.

Сколь ни велико наше уважение и благодарность к почтенному исследователю творчества Кирилла Туровского, мы все-таки решаемся на пересмотр его концепции, как бы возвращаясь к точке зрения более ранних исследователей, но представляя свою, развернутую, систему доказательств.

* * *

Действительно, между проложной притчей и Словом Кирилла Туровского существует близость, которая сразу бросается в глаза. Сопоставим текст проложной притчи с сочинением Кирилла Туровского.

Проложная статья
(начало)

*Человѣкъ и ѣкто добра рода насади виноградъ
и ополотомъ огради*

*И отходя въ домъ своего отца, «Кого, —
рече, — створю стража моему дому и притяжа-
нию? Аще бо оставлю сдѣ от прѣдстатель мо-
ихъ, тъ потеряють ми трудъ. Нъ сиче сътворю
посяжу у вратъ слѣнца съ хромцемъ, — да аще
кто от врагъ моихъ хоцетъ окрасти виноградъ
мои, слѣпецъ убо чюеть, и хромецъ убо видить.
Аще ли кто от сею въсхоцетъ, — хромецъ убо
и ѣмать ногу дойти, слѣпецъ же аще поидеть,
тъ въ пропастьхъ убѣеться»*

Слово Кирилла Туровского
(начало основной части после вступления)

*Человѣкъ и ѣкто домовит бѣаше, иже насади
виноградъ и остѣни его оплотомъ, и ископа
точило, и остави входъ, и створи врата, но не за-
твори входа*

*И отходя в домъ свой, «Кого, — рече, — о-
ставлю стража моему винограду? Аще оставлю
от служащих ми рабъ, то, свѣдуще мою
кротость, истеряють благая моя. Но сиче
створю приставлю ко вратомъ хромца и с ним
слѣнца, — да аще кто от врагъ моихъ въсхоцетъ
окрасти мой виноградъ, то хромецъ убо видить,
слѣпецъ же чюеть. Аще ли от сею въсхоцетъ вни-
ти кто в виноградъ, хромецъ убо не имать ногу
дойти внутренних, слѣпецъ же аще поидеть, то,
заблудивъ, въ пропастьхъ убѣеться»*

¹⁷ Еремин И. П. Притча о слепце и хромце С 334

(заключение)

*Разумѣте же сея притча силу Человѣкъ
есть добра рода — Христось Сынь Божии
А виноградъ — земля и мирь глаголетъ А оп-
лотъ — законъ и заповѣди*

*Слугы же, сущая с нимъ — ангелы мнѣнть
Храмча же — тѣло мнѣнть человекѣ А слѣпча —
душу его*

*Якоже посади у вратъ — человекѣу бо
прѣдастъ область всю землю, давъ ему законъ и
заповѣди*

*Человѣку бо прѣступивъшю заповѣдь Божию
и того ради смертию осужену бывшю, приво-
дятся душа его къ телу [к Богу — другие спи-
ски] и оправдается, глаголющи, яко «нѣ азъ есмь
прѣступила заповѣди твоя, нѣ тѣло»*

*И того ради нѣсть мучения душамъ до
второго пришествия, нѣ блудомы суть, идеже
Богъ вестъ*

*Егда же придетъ обновити землю и въскре-
сити умръшая по Павлу глаголющю, «тѣгда вси
сущии въ гробѣхъ услышатъ глас Сына Божия и
оживутъ И изыдутъ створише благая въ воскрѣ-
шение живота, а створише злая въ воскрѣшение
суда» Тѣгда паки душа в телеса внидутъ и при-
мутъ въздания противу дѣломъ своимъ Отсплютъ
грѣшники въ тму кромѣшнюю Ту будетъ плачь
и скръжьеть зубомъ А праведници възвесе-
лятся (РНБ, Софийское собр., № 1324, л
187а, 187г—188б)*

(заключение)

*Разумѣте же, братье, сея притча сказание
Человѣкъ есть домовить — Богъ Отець,
всѣхъскихъ творецъ Его же сынъ добра рода —
Господь Исус Христосъ А виноградъ — землю и
миръ нарицаеть Оплоть же — законъ Божии и
заповѣди*

*Слугы же, сущая с нимъ — ангелы глаголетъ
Хромецъ же есть — тѣло человекѣ А слѣпча
же — душу его мнѣнть*

*А иже я посади у вратъ — человекѣу бо пре-
дастъ Богъ область всю землю, давъ ему законъ
и заповѣди*

*Преступивъшю же человекѣу повелѣние Бо-
жие [заповѣдь Божия — список Т¹⁸] и того ради
смертию осужену бывшю, первое душа к Богу
приводятся и спирается, глаголющи «Не аз, но
тѣло есть створило»*

*И того ради нѣсть мучения душамъ до
второго пришествия, но блудомы суть идеже
Богъ вестъ*

*Егда же придетъ обновити землю и въскре-
сити вся умершая, якоже сам Бог [Христос —
список Т] преже глагола, «тогда вси суци в
гробѣхъ услышатъ глас Сына Божия и оживутъ
Изыдутъ створише благая въскрешение живота,
а створиши злая — въскрешение суда» Тогда бо
души наши в телеса внидутъ и примутъ възда-
ние кождо по своимъ дѣломъ Праведници — въ
вѣчную жизнь А грѣшници — въ бескончную
смертную муку Имиже согрѣшитъ кто, тѣмъ и
мучень будетъ (БАН, собр Соловецкого мона-*

¹⁸ Список Т (РНБ, собр Титова, № 522, XVI в.), один из двух, по когорым И П Еремин подво-
дил разночтения к основному списку, представляется нам более близким к архетипу Слова, чем спи-
сок БАН, собр Соловецкого монастыря, № 7, кон XIV—нач XV в избранный И П Ереминым за
основной при издании текста Слова (см Еремин И П Литературное наследие Т II С 344,
Т 12 С 340—347) В заглавии списка Т сохранился покаянный эпитет «многогрешный», отно-
симый автором Слова к самому себе «Кирила многогрѣшнаго мниха притча о человекѣстѣй души и о
телеси, и о преступлении Божия заповеди, и о воскресении телесе человекѣ, и о будущем судѣ, и о
муцѣ» В списке же БАН этот эпитет устраняется, что является признаком принадлежности списка
БАН к более позднему этапу истории текста памятника, так же как и сделанное в этом списке добав-
ление к заглавию уставно-четьей формулы «Господи, благослови, отче!» «Кирила мниха притча о
человекѣстѣй души и о телеси, и о преступлении Божия заповеди, и о воскресении телеси человекѣ,
и о будущем судѣ, и о муцѣ Господи, благослови, отче!» Кроме этого, в списке Т обнаруживается це-
лый ряд первичных чтений по сравнению с испорченными или вторичными чтениями списка БАН
Как например «Сия совопрошания Отца и Сына и Святаго Духа, не о твари, но о влаждущим
тварью, сирѣчь о человекѣ [Владыцѣ — список БАН], емуже въсхотѣ предати землю и всяко дыхание
поработити », «И се яве есть от клиросник [росник — список БАН] », « якоже не възносится
[износиться — список БАН] в санѣх », «Господь бо свѣсть злохитрыхъ помышленья, яко суть
лестна [нелестна — список БАН]»

стыря, № 7, л 232—232 об, 241 об —242
 список изданный И П Ереминым в 12-м томе
 ТОДРЛ) ¹⁹

Сопоставление текстов говорит о том, что их связывает прямая зависимость. Но какой из них первичен и является источником другого? Обратим внимание на то, что заключение Слова Кирилла Туровского, идентичное заключению проложной статьи, для Слова Кирилла является повтором, так как приведенные здесь толкования к сюжету и персонажам притчи уже приводились ранее в центральной части Слова, причем не всегда в том виде, в каком они присутствуют в заключении.

Центральная часть
 Слова Кирилла Туровского

Человѣкъ домовить — Богъ всевидецъ и вседержитель, *створивы* вся словомъ, видимая же и невидимая Домовить же ся именуетъ — яко ни единъ дом имать, по Писанию Глаголетъ бо пророкъ «Твоя суть небеса и твоя есть земля» (л 232 об —233)

А еже насади *виноградъ* — рай глаголетъ того бо то есть дѣло Пишетъ бо ся «И насади Богъ рай в Едемѣ» (л 233)

А иже остѣни его, рече, *оплотомъ* — *своимъ страхомъ* «Страхомъ бо его, — рече пророкъ, — движется земля, рассѣдается камене, животная трепещуть, горы курятся, море и сущими в нем повинуется, свѣтила раболѣпно служатъ, облаци и воздушная тварь повелѣнная творять» Стѣна бо — *законъ* речется Законъ же всему *заповѣдъ Божия* есть (л 233)

Что же есть хромецъ и слѣпецъ? *Хромецъ* есть тѣло *человѣче*, а *слѣпецъ* есть душа Преже Богъ созда тѣло Адамле безъдушно, потом же душу < > Тѣмже тѣло безъ душа хромо есть и не наречеться *человѣкъ*, но трупъ (л 234)

Незаворенная же врата — дивныя Божия твари устроение и надъ тѣми Божия существа познание От твари бо, рече, Творца познай и разумѣй < > И отходя въ свой домъ, — «Кого, — рече, — оставлю стрещи труда моего?» Сия совпрашания — Отца и Сына и Святаго Духа не о твари, но о владущимъ тварью, сирѣчь о Владыцѣ [*человѣче* — список Т], *емуже въсхотѣ предати землю* и всяко дыхание поработити (л 233 об —234)

Т[олк] Повелѣ разлучити Богъ душу от тѣла Словомъ бо Божимъ исходить от тѣла душа < > Повелѣ привести слѣпца по ищезновении от тѣла душа всякого *человѣка предъ Богъ* *приходить* < > Т[олк] Сице же есть душевѣны глаголь «Господи, аз духъ есмь Да ни ясти ни пити хотѣлъ есмь, ни чести, ни славы земныи искалъ есмь, ни телесное не разумѣх похоти, ни дьяволи створиш воли, — но *та вся тѣло* *есть створило*» Тогда повелѣ господин

Заключительная
 часть
 Слова Кирилла
 Туровского

Человѣкъ *есть домовить* — Богъ-Отець, *всяческихъ творецъ* < >

А *виноградъ* — *землю и миръ* нарицаеть

Оплоть же — *законъ Божии и заповѣди* < >

Хромецъ же *есть тѣло* *человѣче* А *слѣпча же* — *душо* *его мѣнит*

А иже я посади *уврат* — *человѣку* *бо предасть* *Богъ* въ область *всю землю*, давъ ему *законъ и заповѣди*

Преступивъшо же *человѣку* повелѣние Божие и того ради смертию осужену бывъшо, первое *душа к Богу* *приводится* и спирается, глагалючи «*Не аз, но тѣло* *есть створило*»

¹⁹ И П Еремин, ссылаясь на шифр этой рукописи, обозначал ее как Сводный патерик ризницы Соловецкого монастыря и ошибочно указал ее номер по описи Соловецкой библиотеки как № 485, который при издании текста в ТОДРЛ уже был недействителен

блѹсти слѣпца во укрѹмнѣ мѣстѣ, идеже самъ вѣсть, дондѣже придетъ самъ к винограду и призоветъ хромца, и тогда судить обѣма.

Того ради до второго пришествія Христова нѣст суда, ни мучения всякой души чловѣчи, вѣрнаго же и невѣрнаго (л. 239—240 об.).

И того ради нѣст мучения душамъ до второго пришествія, нѣ блѹдомы суть, идеже Богъ вѣсть (л. 241 об.).

Мы видим, что еще в центральной части своего Слова Кирилл Туровский истолковал сюжет притчи и ее персонажи. Но влияние его источника — проложной статьи — проявилось в том, что, идя вслед за ее композицией, он полностью переписал текст ее толковательного заключения в заключительную часть своего Слова, допустив повторы и отдельные несовпадения.

Уже этого одного наблюдения достаточно, чтобы говорить о первичности проложного текста по отношению к тексту Кирилла Туровского.

Но находятся также и другие аргументы.

В совпадающих заключительных частях проложной статьи и Слова Кирилла Туровского приведена цитата из евангельского текста (Ин. 5: 25, 28—29).

Евангелие от Иоанна

Проложная статья

Слово Кирилла
Туровского

Отвѣщав же Исуе и рече имъ: «Аминь, аминь, глаголю вамъ <...> яко грядетъ часъ, в он же вси суци въ гробѣхъ услышатъ глас Сына Божия, и изыдутъ сътвориши благая въ воскрешение животу, а сътвориши зла — въ воскрешение суду» (Библия. Острог, 1581. Л. 46—46 об.).

Егда же придетъ обновити землю и воскресити умрыша по Павлу глаголющу, «тъгда вси суци въ гробехъ услышатъ глас Сына Божия и оживутъ. И изидутъ створише благая въ въскрѣшение живота, а створише злая въ въскрѣшение суда» (л. 188а—188б).

Егда же придетъ обновити землю и воскресити вся умершая, якоже самъ Богъ [Христос — список Т] преже глагола, «тогда вси суци в гробѣхъ услышатъ глас Сына Божия и оживутъ. Изыдутъ створише благая въскрешение живота, а створиши злая — въскрешение суда» (л. 241 об.—242).

Кирилл Туровский при этом поправляет ошибку, допущенную в проложной статье, приписывающей евангельские слова о последнем Суде апостолу Павлу: «По Павлу глаголющу...». Он заменяет ошибочную ссылку на апостола Павла указанием на принадлежность этих слов самому Христу: «якоже самъ Богъ [Христос — список Т] преже глагола».

Поскольку обратное исправление — от правильной отсылки к ошибочной — маловероятно, то, следовательно, перед нами еще одно доказательство первичности проложного текста по отношению к Слову Кирилла Туровского.²⁰

²⁰ По той же самой причине наша проложная статья не может считаться вторичной и по отношению к опубликованному С. Новаковичем «Слову о прению души и телу» (см.: Новаковић С. Примеры књжевности и језика... С. 473, 475—476), которое И. П. Еремин определил как один из «изводов» проложной редакции (Еремин И. П. Притча о слепце и хромце... С. 336, примеч. 1), ибо в южнославянском «Слове» читатель в этом месте правильно отсылается к Евангелию от Иоанна («...Иоанну глаголюшту: „Тогда вси сущие въ гробехъ услышатъ гласъ сына Божия...“»), а не к апостолу Павлу, как это сделано в проложной статье.

И еще одно наблюдение. В начале своего Слова, приступая к изложению притчи, Кирилл Туровский так характеризует хозяина виноградника: «Человѣкъ нѣкто *домовить* бѣаше, иже насади виноградъ...» (л. 232). Автор же проложной статьи использует в этом случае совсем другой эпитет: «Человѣкъ нѣкто *добра рода* насади виноградъ...» (л. 187а). У Кирилла Туровского ни во вступительной, ни в центральной частях его Слова такой эпитет ни разу не встречается. Тем показательнее то, что читается в заключительной части Слова, совпадающей с заключительной частью проложной статьи.

Еще раз сравним тексты.

Проложная статья

(начало)

Человѣкъ нѣкто *добра рода* насади виноградъ и оплотом огради. И отходя въ *домъ своего отца*...

(заключение)

Разумѣте же сея притча силу. Человѣкъ есть *добра рода* — Христось Сынъ Божи. А виноградъ — земля и миръ глаголетъ...

Слово Кирилла Туровского

(начало)

Человѣкъ нѣкто *домовить* бѣаше, иже насади виноградъ и остѣни его оплотомъ, и ископачило, остави входъ и створи врата, но не затвори входа. И отходя въ *домъ свой*...

(заключение)

Разумѣте же, братие, сея притча сказание. Человѣкъ есть *домовить* — Богъ Отець, всячьскихъ творецъ. Его же сынъ *добра рода* — Господь нашъ Исусъ Христось. А виноградъ — землю и миръ нарицаеть...

Заключительное толкование проложной статьи вполне согласуется с ее началом: в начале говорится о человеке «добра рода», и в заключении толкуется, кто таков есть этот человек «добра рода».

Не так в Слове Кирилла Туровского. Там в начале хозяин виноградника определяется как «человѣкъ домовить». Но в заключении, помимо толкования того, кто таков есть «человѣкъ домовить», неожиданно и без связи с предыдущим контекстом приводится толкование к словам «добра рода», до этого момента не употреблявшимся в Слове Кирилла Туровского. Такая неувязка может найти себе объяснение лишь в зависимости Слова Кирилла Туровского от проложной статьи.

Совершенно очевидно, что выражение «человѣкъ домовить» заимствовано Кириллом Туровским из евангельской притчи о хозяине виноградника.

Евангелие от Матфея 21: 33—41: *Человѣкъ нѣкии бѣ домовить, иже насади виноград и оплотом огради его, и ископа в нем точило, и създа столпъ и вдаст дѣлательмъ и отиде. Егда же приближися время плодомъ, посла рабы своя к дѣлательмъ прияти плоды его. И емше дѣлатели рабы его, ового же убиша, ового же каменiemъ побиша. Паки посла ины рабы, множаяша первыхъ, и створиши имъ такожде. Послѣди же посла к ним сына своего, глаголя: усрамяте сына моего. Дѣлатели же видѣвше сына, рѣша в себѣ, сеи есть наслѣдникъ, придѣте убием его, и удрѣжимъ достоанне его. И емше его, изведоша вонъ из винограда и убиша. Егда убо придетъ господинъ винограда, что створить дѣлательмъ тѣмъ (Библия. Острог, 1581. Л. 12).*

Здесь кратко следует заметить, что фабула рассматриваемого произведения (как в варианте проложной статьи, так и в варианте Слова Кирилла) сложилась из переплетения фабул двух притч: евангельской притчи о хозяине виноградника

ка и внеевангельской притчи о слепом и хромом, известной по Вавилонскому Талмуду, Тысяча и одной ночи и *Gesta Romanorum*.²¹

Кирилл Туровский, говоря о хозяине виноградника, гораздо ближе следует Евангелию, чем автор проложной статьи.

Евангельский текст (Мф 21 33—41)	Слово Кирилла Туровского	Проложная статья
Человѣкъ нѣкии бѣ домо- вить, иже насади виноград и оп- лотомъ огради его, и ископа в нем точило, и създа столпь и вдаст дѣлалелемъ и отиде	Человѣкъ нѣкто домовить бѣаше, иже насади виноградъ, и остѣни его оплотомъ, и ископа точило, остави входъ, и створи врата, но не затвари входа И отходя въ домъ свой	Человѣкъ нѣкто добра рода насади виноградъ и оп- лотомъ огради И отходя въ домъ своего отца

В Слове Кирилла Туровского, согласно евангельской притче, хозяин виноградника — это Господь Богъ-Отець; и потому, когда кончаются совпадения с евангельской притчей, у Кирилла Туровского хозяин виноградника отходит «въ домъ свой». А у автора проложной статьи хозяин виноградника («добра рода») символизирует Христа, т. е. Бога-Сына, и потому после устройства виноградника он уходит «въ домъ своего Отца». Как видим, и текстуально, и фабульно-символически текст Кирилла Туровского ближе к евангельскому по сравнению с текстом проложной статьи.

Таким образом, мы видим, что автор проложной статьи менее точно следует замыслу евангельской притчи. И Кирилл Туровский его в этом поправляет.

И еще ряд конкретных фактов подтверждает первичность проложной редакции. В обоих текстах время после ухода хозяина виноградника до разговора слепца с хромцом обозначается по-разному. В проложной статье это время определяется как «надълзе». В центральной части Слова Кирилл Туровский сначала говорит: «Сядящема има *етеро* [т. е. *некоторое*] время». Потом же появляется определение этого времени, уже идентичное тексту из проложной статьи: «Сядящема же има, рече, *долго* время». Кирилл возвращается к тексту своего источника, да еще и с отсылкой «рече» (т. е. «как сказано»).

Проложная статья	Слово Кирилла Туровского
Надълзе же сядящима има, рече слепецъ къ хромцю «Что убо благоухание полѣтае изъдну вратъ?» (л 1876)	Сядящема же има етеро время, рече слѣпецъ къ хромцю «Что убо благоухание се изутрь врат помѣтае мя?» (л 235) Т[олк] Сядящема же има, рече, долго время Что есть долго время? (л 236)

Наконец, в Слове Кирилла находятся примеры так называемых швов, когда Кирилл Туровский вторгается в текст проложной статьи с собственными ре-

²¹ Известно, что сам сюжет о слепце и хромце очень распространен и имеет много разновидностей в мировой литературе и в фольклоре (см. Б а т ю ш к о в Ф Спор души с телом в памятниках средневековой литературы СПб, 1891, Ж д а н о в И Н Песни о князе Романе // ЖМНП 1890 С 13—17)

марками, а затем для возвращения к первоначальному тексту использует, так сказать, «словесную заплату».

Проложная статья

Отвѣща слепецъ хромцю «Тъ почто ми еси давно сего не възвѣстилъ, да быхъве не жадала. Аще убо слепъ азъ есмь, нъ нозѣ имамъ и силенъ есмь носити тя. Нынѣ убо възми кошъ и въсяди на мое плещи, и азъ тя несу. Ты ми путь поведати, и вся благая господина наю объемлевъ » (л 187б—187г)

Слово Кирилла Туровского

Отвѣща глагола слепецъ «То почто сего давно нѣси ми повѣдал, да быховѣ не ждали, но к симъ, даннымъ намъ въ область, и она особь възсхитивѣ! Аще бо азъ слѣпъ есмь, но имамъ нози и силенъ есмь моги носити тебе же и бремя. *Вижь душевное бремя грѣхъ, того ради глаголетъ пророкъ „Яко бремя тяжко отяготѣся на мене“* Рече же слепецъ Возми убо кошъ и въсяди на мя. И азъ ты ношу, ты же показати ми путь, и вся благая господина наю объемлевъ » (л 235—235 об)

В данном фрагменте приводится речь слепца, которая является единой репликой в проложном тексте. В Слове Кирилла Туровского речь автора (курсив) вторгается в речь слепца толкованием к слову «бремя». А потом снова продолжается речь слепца с помощью «словесного шва» — «рече же слепецъ».

Итак, проложная статья явилась источником Слова Кирилла Туровского. Но, быть может, Кирилл Туровский был тем, кто первоначально создал проложную статью, а затем на ее основе написал Слово? Ведь высказывает же Е. А. Фет в словарной статье, посвященной Прологу, предположение о том, что Кирилл Туровский был составителем Пролога.²² Предположение это приходится оставить без внимания как никоим образом не обоснованное ни в названной словарной статье, ни в какой-либо другой публикации Е. А. Фет. Тем более, что проделанный нами сопоставительный анализ текстов проложной статьи и Слова Кирилла Туровского говорит о том, что у этих памятников были разные авторы. Об этом свидетельствуют все указанные нами различия между этими произведениями — от различных отсылок к одному и тому же новозаветному тексту (ошибочной в проложной статье и точной в Слове Кирилла Туровского) до различных концепций толкования образа хозяина виноградника (для автора проложной статьи это «человѣкъ добра рода» — Иисус Христос, Сын Божий, для Кирилла же Туровского он «человѣкъ домовить» — Бог-Отец, «всячьских творецъ»).

Такие выводы дают материал к истории русско-славянского Пролога; поскольку ко времени создания Кириллом Туровским Слова о хромце и слепце проложная статья на эту тему уже существовала, то, следовательно, русско-славянский Пролог с повествовательными статьями был создан не позже даты кончины Кирилла Туровского, которая определяется не совсем точно временем после 1182 г.²³ Об этом уже писала И. Н. Лебедева в своей работе, посвященной Повести о Варлааме и Иоасафе, обращая внимание на использование Кирил-

²² См. Фет Е. А. Пролог // Словарь книжников Л, 1987. Вып. 1. С. 379.

²³ Отсылаю к исследованию Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси XI—XIII вв. СПб, 1992. С. 155—166.

лом Туровским в его Слове о белоризце притчи о царе и разумном советнике не из Повести о Варлааме и Иоасафе, а из пролога.²⁴

В заключение следует сделать одно примечание еще об одном тексте Притчи о хромце и слепце. В самом начале 80-х гг. XIX в. была создана новейшая редакция Слова о хромце и слепце — редакция так называемых дешевых Троицких листков, с 1879 г. издававшихся миллионными тиражами для простого народа при Троице-Сергиевой лавре.²⁵ Текст этой редакции был издан А. И. Пономаревым,²⁶ он представляет собой перевод на современный русский язык как бы краткой версии Слова Кирилла Туровского.²⁷

Таким образом, живая литературная история этой притчи простирается вплоть до конца XIX в., демонстрируя удивительную свою живучесть, можно сказать неуязвимость.²⁸

²⁴ Повесть о Варлааме и Иоасафе / Подгот текста, исследование и коммент И Н Лебедевой Л, 1985 С 77, 85—87 Поскольку Л Гецем было высказано предположение о том, что Слово о белоризце относится к ранним произведениям Кирилла Туровского, написанным до принятия епископского сана (Goetz L K Die Echtheit der Monchsreden des Kyryll von Turov // Archiv für slavische Philologie 1905 S 191), то И Н Лебедева пишет «Если это предположение справедливо, то, значит, уже к середине XII в притчи из Повести о Варлааме и Иоасафе были включены в состав первой редакции Пролога» (см Повесть о Варлааме и Иоасафе С 87) По этому поводу следует сказать, что предположение Л Гетца, к сожалению, несправедливо Слово о белоризце относится как раз к поздним произведениям Кирилла Туровского, написанным после ухода (возможно, на покой) с епископской кафедры, ибо это слово обращено к игумену Киево-Печерского монастыря Василию (см заглавия списков Слова Еремин И П Литературное наследие Т 12 С 328), который был возведен на игуменство только в 1182 г, в это время в Турове епископом был уже не Кирилл, а Лаврентий (см ПСРЛ СПб, 1843 Т 2 С 126)

²⁵ [Пономарев А И] Полный систематический указатель статей в Троицких листках (№ 1—800) Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1896 Здесь указано, что в № 56 Троицких листков напечатана Притча о слепце и хромце, писателем которой признается Кирилл Туровский (см Троицкие листки 1882 2 дек № 56 С 2—4 Там заглавие «Хромец и слепец (Притча св Кирилла, еп Туровского)»)

²⁶ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред проф А И Пономарева СПб, 1894 Вып 1 С 197—198

²⁷ Здесь отразились все основные особенности Слова Кирилла, отличающие его от проложной статьи хозяин виноградника назван «человеком домовитым», отсылка к новозаветному тексту о Страшном суде сделана правильно («как предрек сам Христос») и пр

²⁸ И последнее, о чем следует сказать, — это об отражении Притчи о хромце и слепце в иконографии и народной гравюре Сохранилась икона из собрания Н П Лихачева, передающая средствами изобразительного ряда мысль этой притчи (ГРМ, собр Н П Лихачева, № 262) В последнее время в исследовательской среде высказывается мнение, что эта икона является иллюстрацией сочинения Кирилла Туровского (см Русский музей Иконы / Авторы и составители Вилинбахова и др М, 1997 № 20) Однако нам представляется, что с определением литературного источника этой иконы дело обстоит не так просто В иконе представлены несколько эпизодов на верхнем фоне изображается Иисус Христос, который, сидя на судищи, судит слепца и хромца На средней части — хозяин сада сажает виноград и у входа ставит слепца с хромцом сторожами Но они — в виде хромца на плечах слепца — крадут виноград хозяина, и хозяин изгоняет их Внизу архангел наказывает слепца с хромцом в кромешной темнице И душа-слепец (в традиционно иконном изображении души как спеленутого в белые пелены существа) и тело-хромец одни в темнице В общем, весь сюжет

этой иконы соответствует более лаконичному содержанию проложной Притчи о слепце и хромце. Особенно привлекает внимание то, что в этой иконе образ хозяина виноградника толкуется как Иисус Христос, как и в проложной притче (Об этом говорят и иконография его изображения, и надпись над нимбом, окружающим его главу). При этом особый интерес представляет народная гравюра из собрания Ольсуфьева (РНБ, собр. А. В. Ольсуфьева, т. X, № 2173). Эта народная гравюра сопровождается текстом, который буквально совпадает с текстом проложной притчи (см. Ровинский В. Русские народные картинки Т. 3 // СОРЯС СПб., 1881. Т. 25. С. 173—175). Хотя этих данных еще недостаточно, чтобы решить окончательно этот вопрос, но мы с осторожностью можем предположить возможность того, что источником сюжета Притчи о слепце и хромце в изобразительном искусстве служила проложная статья.